

мас.
1009₉

Литературныя замѣтки.

«Порфи́рій Петро́вичъ Кукушки́нъ», Д. В. Григоровича («Русская Мысль», № 1 и 2), «Бабье царство», А. П. Чехова («Рус. Мысль», № 1), «Гвардія штибс-капитанъ», І. І. Ясвискаго («Рус. Обозрѣніе»).

31 октября прошлаго года праздновался пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности Д. В. Григоровича. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого талантливый писатель преподнесъ русской читающей публикѣ новый рассказъ подъ названіемъ: *Порфи́рій Петро́вичъ Кукушки́нъ. «Приключенія мирнаго гражданина, прожившаго до полной зрѣлости у тигрой пристани, неожиданно упавшаго въ воду, унесеннаго теченіемъ и едва не утонувшаго»*.

Рассказъ Григоровича... Я увѣренъ что при этихъ словахъ на васъ повѣяло чѣмъ-то свѣжимъ и увлекающимъ. Васъ сразу унесло въ то далекое прошлое, когда русская литература была въ полномъ расцвѣтѣ, въ свѣтлую эпоху сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, когда передъ удивленнымъ взоромъ русскаго читателя проходили все новыя и новыя таланты, являясь Богъ знаетъ откуда, и тревожа, и увлекая за собою все болѣе и болѣе пробуждавшееся тогда общественное мнѣніе. Григоровичъ давно уже не дарилъ русскую публику своими произведеніями. Почитатели его таланта давно уже привыкли считать его выбывшимъ изъ строя, а когда въ концѣ 1892 и началѣ 1893 годовъ въ печати появились его «Литературныя воспоминанія», нѣкоторые многозначительно качали головою и говорили: «Григоровичъ поэтъ свою лебединую пѣсню».

Опасенія, однако, оказались напрасными. Знаменитый авторъ «Антонъ Горемыкинъ», черезъ цѣлый годъ послѣ появленія его «Литературныхъ воспоминаній», выступилъ съ новымъ рассказомъ, желая, очевидно, ознаменовать свое недавнее торжество, котораго такъ рѣдко удостоивались до сихъ поръ русскіе писатели. Рассказъ обратилъ было сначала на себя вниманіе читающей публики и критики, но потомъ всѣ о немъ какъ-то замолчали. «Порфи́рій Петро́вичъ Кукушки́нъ», очевидно, не вполне оправдалъ возлагавшіяся на него надежды.

Помнится, еще годъ тому назадъ одинъ изъ русскихъ критиковъ высказалъ, въ видѣ афоризма, при разборѣ романа Потапенко: «Не герой», ту мысль, что если русскій писатель беретъ описывать ту или другую литературную среду, то это является несомнѣннымъ доказательствомъ отсутствія другихъ темъ у автора, а вмѣстѣ съ этимъ и доказательствомъ оскуднѣнія самаго таланта его. Хотя о новомъ рассказѣ Д. Григоровича безусловно этого сказать нельзя, тѣмъ не менѣе нѣкоторая доля истины въ приведенной мысли критика несомнѣнно имѣетъ

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Порфи́рій Петровичъ Кукушкинъ не типъ, не цѣльная личность, «вырванная изъ дѣйствительной жизни или, по крайней мѣрѣ, абстрактно-возможная. Будь онъ еще молодъ, съ безыконойно бѣгающими глазами, съ длинными кудрями до плечъ, можно было-бы видѣть въ немъ нѣкоторое правдоподобіе или даже художественное обобщеніе. Но ему сорокъ лѣтъ; его вѣчно-восторженному Лазарту, самоотверженному другу и пламенному почитателю его произведеній, Рожкову, — столько же лѣтъ. Остальные члены семейства Кукушкина въ такомъ-же почтенномъ возрастѣ. Какое оправданіе можно найти для ихъ ностунковъ, дышащихъ чѣмъ-то далекимъ, давнымъ давно уже отжившимъ свое время, чѣмъ-то гоголевскимъ, до-реформеннымъ? А. между тѣмъ, герои взяты изъ современной жизни, говорятъ на современномъ языкѣ, затрагиваютъ современные темы. Это, можно сказать, цѣлый рядъ гоголевскихъ типовъ, насильно вырванныхъ изъ ихъ среды и перенесенныхъ на чуждую имъ почву, въ совершенно другую эпоху, которой они противорѣчатъ всѣмъ складомъ своей жизни и ума, всѣми своими инстинктами и наклонностями. Вспомните ссору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Развѣ Порфи́рій Петро́вичъ Кукушкинъ и Иванъ Ивановичъ Рожковъ не тѣ-же Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ, только давно уже примирившіеся, давно уже простившіе другъ другу невинное слово «гусакъ», и даже совершенно изгнавшіе его изъ своей памяти? И вогъ представьте себѣ, что Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ, вмѣсто того, чтобы жить себѣ спокойно въ своихъ номѣстьяхъ и вести тамъ патриархальный образъ дѣйствій, рѣшаются вдругъ освѣжить нынѣшнюю русскую литературу и издавать ежемѣсячный журналъ, посвященный широкимъ вопросамъ науки и искусства! Какой рѣзкій анахронизмъ! Какой рѣзкій анахронизмъ! Какая крайняя неестественность, ничѣмъ необъяснимое неправдоподобіе!

Темы-ли изсякли теперь, въ самомъ дѣлѣ, или русская литература, дѣйствительно, переживаетъ въ настоящее время эпоху своего упадка, — несомнѣнно только одно: современная русская литература не даетъ намъ теперь никакихъ опредѣленныхъ типовъ. Возьмите хотя бы А. Чехова. Уже на что талантливый и признанный писатель, а между тѣмъ много-ли найдете у него цѣльныхъ художественныхъ типовъ, олицетворяющихъ ту или другую сторону нашей жизни? Почти всѣ его рассказы одни только намеки. — правда, иногда очень ясные, очень художественно отдѣланные и свидѣтельствующіе о крупномъ талантѣ автора, — но, все-таки, одинъ только намекъ на вѣчные, непоколебимые образы, на реализацію того или другого духовнаго процесса, совершающагося въ нашемъ

обществъ. Отъ Чехова давно уже ждали и имѣли право ждать изображенія какой-нибудь широкой полосы нашей жизни, крупнаго произведенія, которое дало-бы намъ стройную цѣльную картину современныхъ намъ нравовъ и характеровъ. Что-же далъ намъ до сихъ поръ Чеховъ?—Цѣлый рядъ мозаическихъ произведеній, цѣлый рядъ отдѣльных моментовъ нашей жизни. Извольте-ка сами заняться группировкою этихъ отдѣльных блесковъ и составить черезъ ихъ посредство общую картину современныхъ намъ теченій. Не говоря уже о томъ, что работа эта потребуетъ много труда и времени, тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ вы все-таки не достигнете своей цѣли, потому что слишкомъ уже мелки мозаичные куски, находящіеся въ вашемъ распоряженіи, и слишкомъ трудно поддаются они правильной, опредѣленной группировкѣ. Для прѣмѣра возьмемъ хотя бы разсказъ А. Чехова «Бабы царство», помѣщенный въ первой книгѣ «Русской Мысли». Передъ вами замѣчательный типъ женщины — правда, очень рѣдко, но несомнѣнно встрѣчающейся въ наше время. Анна Акимовна родилась въ простой рабочей семьѣ и провела свое дѣтство въ бѣдности. Потомъ, однако, послѣ смерти своего дяди, а затѣмъ и отца, его единственнаго наследника, она разбогатѣла сдѣлалась собственницею миллионнаго дѣла. Обстоятельства, такимъ образомъ, совершенно вырвали Анну Акимовну изъ ея прежней среды и перенесли на другую почву, въ роскошныя хоромы, гдѣ ей приходилось уже сталкиваться часто съ интеллигентными людьми, усваивать передовыя понятія. Между тѣмъ она слишкомъ хорошо помнитъ свое дѣтство, свои безпечные годы, когда жизнь ея текла свободно и раздольно, когда ее звали Анюткой и когда она, маленькая, лежала подъ однимъ одеяломъ съ матерью, а рядомъ въ другой комнатѣ стирала бѣлье жилица-прачка, и изъ сосѣднихъ квартиръ сквозь тонкія стѣны слышались смѣхъ, брань, дѣтскій плачь, гармоника, жужжаніе токарныхъ станковъ и швейныхъ машинокъ. Анна Акимовна слишкомъ глубоко впитала въ себя эту жизнь съ ея своеобразнымъ строемъ и понятіями. И вдругъ—колоссальное богатство, громадныя палаты, лакеи, слуги и — одиночество, полное одиночество, безъ всякаго намека на чье-либо сочувствіе, безъ всякой надежды на лучшее будущее. Между тѣмъ ей уже 26 лѣтъ. Здоровье, молодость требуютъ своего, требуютъ жизни, простора, требуютъ взаимныхъ ласкъ, отвѣтныхъ чувствъ. всего, чѣмъ такъ полна бываетъ молодая жизнь съ ея ничѣмъ неукротимыми страстями, ничѣмъ не удовлетворяемымъ разгуломъ. Ей хочется счастья, хочется любить и вѣрить, хочется чѣмъ-нибудь наполнить свою жизнь и видѣть, что нечѣмъ. Анна Акимовна раздвоилась. Она уже не принадлежитъ самой себѣ. Она чувствуетъ, что ее невольно тянетъ къ прежней жизни, что

она даже готова выйти за своего-же рабочаго Пименова, который показался ей такимъ сильнымъ, здоровымъ, симпатичнымъ, и въ то-же время она понимаетъ, что ей этого никогда не сдѣлать, никогда-никогда, потому что между нею и Пименовымъ легла бездна, такая-же бездна, какая легла между прежнею Анюткою и теперешнею Анной Акимовною. Какое глубокое трагическое положеніе! Какая благодарная канва для великолѣпной художественной картины! Что въ самомъ дѣлѣ стоило остановиться нашему талантливому писателю подольше на этомъ благодарномъ образѣ и показать намъ его во весь ростъ, въ его настоящемъ свѣтѣ? Но г. Чеховъ этого не сдѣлалъ. Нѣсколькими взмахами пера онъ далъ намъ великолѣпный набросокъ, прекрасный намекъ и только. А затѣмъ... А затѣмъ—какъ знать?—можетъ быть, авторъ тотчасъ же перешелъ послѣ этого къ другому сюжету и, вѣроятно, съ той-же цѣлью—снять съ него только блѣдную копію, дать о немъ только нѣкоторое представленіе. Читателю дѣлается досадно, когда онъ видитъ, что разсказъ кончается тамъ, гдѣ ему, собственно говоря, и слѣдовало-бы только начаться, что г. Чеховъ показалъ ему только уголокъ вмѣсто того, чтобы показать ему всю картину.

О другихъ персонажахъ, фигурирующихъ въ разсказѣ г. Чехова, и говорить нечего. Всѣ они представляютъ болѣе или менѣе необходимыя, или случайныя аксесуары центральной фигуры картины—Анны Акимовны, вокругъ которой они живутъ и копошатся, какъ муравьи, и производятъ на читателя именно впечатлѣніе муравьевъ, не видящихъ и неспособныхъ видѣть величія того, что составляетъ центръ всего ихъ существованія. Правда, изъ нихъ нѣсколько выдается личность присяжнаго повѣреннаго Лысевича, но она обрисована авторомъ крайне небрежно и выставлена имъ въ такомъ свѣтѣ, что поневолѣ кажется лишенною всякаго реального значенія. Не знаю, какъ вамъ, но мнѣ, при чтеніи разсказа, казалось, что авторъ вообще не симпатизируетъ присяжнымъ повѣреннымъ и, въ поискахъ за отрицательными сторонами нѣкоторыхъ представителей этого сословія, остановился только на однихъ исключительныхъ ихъ свойствахъ, дѣлающихъ Лысевича скорѣе карикатурою, чѣмъ лицомъ, вырваннымъ непосредственно изъ жизни.

То-же самое, если еще не въ большей степени, надо сказать также и о разсказѣ І. Ясинскаго: «Гвардіи штабсъ-капитанъ», напечатанномъ во второй книгѣ «Русскаго Обозрѣнія». Та-же небрежность, недодѣланность, то-же желаніе поскорѣе покончить съ разсказомъ, чтобы перейти къ другому, такому-же недодѣланному, какъ и первый. А между тѣмъ, разсказъ г. Ясинскаго прекрасно написанъ, читается замѣчательно легко, даже увлека-

3

тельно. Читаешь его и невольно думаешь: вот-вот авторъ приступитъ, наконецъ, къ своей настоящей задачѣ, не-прежнѣнно сейчасъ, черезъ нѣсколько страницъ, а можетъ быть и того меньше. Но вотъ вы пробѣжали эти страницы и передъ вами, вѣсто начала или продолженія разсказа,—пустая половина листа, свидѣтельствующая о томъ, что авторъ уже покончилъ со своею задачею и занимать васъ больше затронутой темою не намѣренъ. Это тѣмъ болѣе досадно, что въ разсказѣ затронуто нѣсколько интересныхъ характеровъ, по-неволѣ приковывающихъ къ себѣ ваше вниманіе. Но и г. Ясинскій не даетъ ихъ намъ цѣликомъ, а показываеъ ихъ на нѣкоторомъ разстояніи, въ уменьшенномъ видѣ, почти безъ всякаго освѣщенія. Что такое этотъ гвардіи штабсъ-капитанъ Артамонъ Мартыновичъ Шугайскій, человѣкъ мирный, добрый, благоправный, честный, благородный, почти добродѣтельный и въ то-же время какъ будто пошлый и низменный, съ несимпатичными сторонами характера, допускающими иногда даже некрасивый поступокъ? Въ разсказѣ г. Ясинскаго онъ какъ будто ничто и въ то-же время какъ будто и нѣчто. А его товарищъ Савинскій, долженствующій, по замыслу автора, составить ему полную противоположность? А Полина Арсеньевна, неожиданно убѣжавшая изъ пансіона къ любимому ея Шугайскому, которому она хочетъ отдаться во что бы то ни стало, и очень недовольная тѣмъ, что Шугайскій противится, не исполняетъ ея требованія? А деньщикъ Шугайскаго, Ивановъ? — Все штрихи, намеки и больше ничего. Особенно замѣчательнъ этотъ деньщикъ. Авторъ рисуетъ его крайнимъ дуракомъ, который ничего другого не знаетъ, кромѣ затверженныхъ разъ навсегда: «Точно такъ, ваше благородіе!» «Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!» Между тѣмъ, посмотрите, что дѣлаетъ этотъ круглый дуракъ, когда уходитъ его начальникъ. «Оставшись наединѣ,—говоритъ авторъ,—Ивановъ возвратился къ покинутому имъ человѣческому образу и, сѣвъ на полу, заговорилъ человѣческимъ языкомъ: «Скоро весна придетъ, сердце заноситъ по деревнѣ. Тамъ хлѣбъ колосится, трава по поясъ, люди мелютъ, люди молотятъ, а у насъ штыки да сабли, да строгіе командиры... Ахъ, ты Господи! Ахъ!» Авторъ больше ничего не сообщаетъ объ Ивановѣ. Между тѣмъ, каждому понятно, что это замѣчательный типъ, что автору слѣдовало бы остановиться на немъ подольше, раскрыть передъ нами его прошлое, его настоящее, а можетъ быть—и будущее... Но авторъ этого не сдѣлалъ. Онъ только коснулся мимоходомъ этой оригинальной личности, какъ коснулся случайно и прочихъ героевъ своего разсказа, предоставивъ нашему воображенію дополнить остальное. Досадно, очень досадно...